

Ю. Н. КАРАУЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ (Семиотические аспекты словаря)

Описание и классификация словарей осуществляется по многим параметрам: предназначению и объему, систематичности или выборочному характеру материала, классификации материала по фонетическим формам или по семантической близости и т. п.¹ Рядом с такими классификациями и, как правило, отдельно и независимо от них исследуются свойства лексической семантики, системные свойства лексики².

Вместе с тем существуют такие универсальные черты, которые порождаются свойствами лексической семантики и своеобразно проявляются именно в словаре как особом способе организации лексических знаков. Для выявления и изучения этих универсальных черт следует сделать попытку совместного рассмотрения семантического и словарного аспектов лексики. В этой статье будут представлены наблюдения над семантическими закономерностями³, общими для разных лексикографических объектов и, наоборот, по-разному представленными в словарях, которые традиционно рассматриваются как однотипные.

Когда мы оцениваем соотношение левой и правой частей в словаре, естественно напрашивается аналогия со строением знака. Как и знак, словарь⁴ имеет две стороны: словник (или исходный набор) и его описание, т. е. объяснительную часть. Иногда говорят еще, что словарь имеет вход и выход. Словник можно уподобить означающему, так как на входе важна лишь внешняя сторона, позволяющая идентифицировать слово, а объяснительную часть соответственно — означаемому, поскольку на выходе интерес представляет лишь семантика, т. е. содержательная сторона слова. Эта аналогия заходит как будто еще дальше. Как и две стороны знака, вход и выход словаря асимметричны: в чисто внешнем плане объясни-

¹ Эти параметры систематизируются в ставшей теперь классической работе Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» в его книге «Избранные работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958.

² Типичной работой такого плана, представляющей собой компендиум современных данных в области лексикологии и лексикографии, является книга: L. Z g u s t a, Manual of lexicography, Praha, 1971.

³ Некоторые закономерности внешнего порядка, отличающие словарь как от других незнаковых, так и от знаковых способов организации знаков, рассматриваются в нашей статье «Словарь и его свойства» (сб. «Проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков», М., 1974).

⁴ До недавнего времени термин «словарь» широко употреблялся в значении «список слов», особенно в работах по трансформационной и порождающей грамматике. Теперь, как правило, в таком значении в лингвистической литературе «словарь» встречается редко. Даже в работах по трансформационной грамматике в него вкладывается смысл, предполагающий особый способ организации единиц, т. е. словарь понимается как статическое множество связей между фонологическими формами (морфемами), с одной стороны, и их значениями и употреблениями (семантической и синтаксической ценностью) — с другой. См.: J. S. G r u b e r, Die Funktionen des Lexikons im formalen Deskriptiven Grammatiken (Auszug), в кн.: «Probleme des „Lexikons“ in der Transformationsgrammatik», Frankfurt/Main, 1972, стр. 1; Ch. J. F i l l m o r e, Arten lexikalischer Information, там же.

тельная часть всегда превышает по объему исходный набор слов. Однако аналогия эта лишь кажущаяся, потому что соотношение двух сторон словаря обратно соотношению двух сторон знака. Если в знаке его означающее идентично самому себе и асимметрично своему означаемому, то в словаре, наоборот, словник и объяснительная часть эквивалентны друг другу в содержательном отношении, находятся в семантическом равновесии, идентичны, так сказать, содержательно, а асимметрия их переведена в план выражения. Выражение и содержание меняются местами. Свойственная единичному знаку возможность инверсирования двух его сторон⁵ преломляется в словаре в снятие асимметрии единичного знака и перенос ее в план выражения всего словаря. Семантическое равновесие входа и выхода позволяет свободно (в содержательном отношении) менять местами две части словаря — заменять словник его описанием или подставлять данные входа на выход.

При условии обязательной семантической эквивалентности степень асимметричности входа и выхода словаря может быть различной и колебаться между следующими логически возможными, но практически никогда не реализующимися крайними случаями:

1. Словник и его описание независимы друг от друга (максимальная асимметрия). Ни одно из слов на входе в словарь не появляется на его выходе. Описание в этом случае должно осуществляться в некоторой системе, не соприкасающейся с исходной, не имеющей общих с ней элементов. Метаязык полностью произволен по отношению к объекту описания. Применительно к знаку такое положение соответствует абсолютной его произвольности, немотивированности.

2. Словник целиком входит в свое описание (минимальная асимметрия). В этом случае на входе и на выходе должны быть представлены одни и те же слова, описание объекта должно осуществляться в терминах самого объекта. По отношению к знаку такое положение соответствует полной мотивированности.

Рассмотрим возможные реализации каждого из этих случаев.

Независимости входа и выхода, описания от словника скорее всего можно ожидать в словарях, левая и правая части которых представляют собой разные системы. Таковы, например, переводные словари, в которых на входе и выходе используются разные языки. Таковы словари жаргонов, где на входе дается слово, относящееся к системе жаргона, а на выходе — либо общезыковой эквивалент, либо развернутое толкование на литературном языке, или словари иностранных слов. Независимость левой и правой частей словаря предполагает отсутствие общих для обеих частей элементов, т. е. правая часть при объяснении не должна использовать элементов левой части, выход не должен содержать ссылок на вход. Иными словами, развертывание словаря должно идти слева направо, и обратное движение должно быть запрещено. Однако при оценке с этой точки зрения правой части словарей указанного типа легко убедиться, что во всех них этот запрет нарушается, например: а) переводной словарь⁶ (далее в примерах везде слева указан вход, а справа — выход): *hohe* см. *hoch*; *ekelerregend* см. *ekelhaft*; *elendig*, *elendiglich* см. *elend* и т. д.; б) словарь жаргона⁷: *оправилы* (см. *ксивы*); *орехи* — (см. *маслины*) и т. д.

⁵ Иногда это свойство знака называют «законом обращения планов». См., например: Ю. С. Степанов, Семиотика, М., 1971, стр. 129—137.

⁶ «Немецко-русский словарь», под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой, М., 1958.

⁷ «Жаргон преступников (пособие для оперативных и следственных работников милиции)», М., 1952.

Как видим, при объяснении одного элемента словника (слева от указателя см.) используется другой элемент того же самого словника (справа от см.), т. е. на выходе и входе используются одни и те же элементы, выход и вход не независимы друг от друга. Можно предположить, что ссылки на вход в объяснительной части двуязычных и жаргонных словарей связаны с наличием в их словниках развитых системных отношений, прежде всего синонимии, омонимии, полисемии. Однако и в словарях, как будто бы не предполагающих системной обусловленности элементов внутри левой части, наблюдается то же положение, т. е. синонимические, словообразовательные и иные системные связи разрушают гипотетическую независимость друг от друга двух сторон словаря. Обратимся хотя бы к таким примерам: в) словарь иностранных слов⁸: *кутис* [$\leq$ лат. *cutis* кожа] — то же, что *дерма*; *практикант* — человек, проходящий производственную практику (см. *практика* 2) и т. д.; г) словарь новых слов⁹: *биоток*, а, м. То же, что биоэлектрический потенциал (см. *биоэлектрический* 1); *биоуправление*, я, ср. Управление при помощи многократно усиленных биотоков (см.) мышц. Здесь *биоток* определяется с отсылкой к элементу левой части *биоэлектрический*, а *биоуправление* — с отсылкой опять к *биоток*.

Поскольку ни в одном из рассмотренных словарей не реализуется предельный случай соотношения двух его частей, предполагающий их взаимную независимость, можно сделать вывод о принципиальной невозможности построить словарь таким образом, чтобы его части были независимы друг от друга. Эта закономерность прослеживается в любом словаре объяснительного типа — толковом, терминологическом, диалектном. В толковом словаре, в силу универсальности его словника, эта закономерность проявляется шире, чем в любом другом. Вот один только пример из семнадцатитомного академического словаря: *сюртучишко* — уменьш.-уничиж. к *сюртук*; *сюртучник* 1. Специалист по кройке и шитью сюртуков. 2. Устар., простореч. Тот, кто обычно носил сюртук; *сюртучный* — относящийся к сюртуку; *сюртучок* — уменьш.-ласк. к *сюртук*.

Во всех таких случаях на выходе дается отсылка к одному и тому же элементу словника, но не зная содержания этого элемента, нельзя до конца понять толкование указанных единиц входа. Из приводящейся информации можно заключить только, что «это» кроют и шьют специалисты и что «это» носят, т. е. можно сделать вывод о родовой принадлежности.

Другой крайний случай предполагает обязательное использование всех слов левой части, и только их, для описания присущего им же самим смысла, т. е. на входе и на выходе должны использоваться одни и те же элементы. Этот случай не может быть реализован уже потому, что систему нельзя описать изнутри, только на основе ее собственных ресурсов, для описания системы нужно выйти за ее пределы. В любом словаре легко найти отклонения от гипотетического равенства элементов левой и правой частей. Эти отклонения проявляются, с одной стороны, в наличии в словнике лексических единиц, не используемых в объяснительной части, и, с другой стороны, в появлении на выходе слов, не фигурирующих на входе.

Таким образом, семантическое равновесие в словаре достигается за счет снятия асимметрии единичного знака и перевода ее в асимметрию плана выражения словаря в целом. Для устранения же присущей отдельно взятому знаку асимметрии словарь создает «прибавочную значимость», приращение смысла.

⁸ «Словарь иностранных слов», 6-е изд., М., 1964.

⁹ «Новые слова и значения», под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, М., 1971.

Под приращением смысла будем понимать такое явление, когда общий смысл совокупности знаков, возникающий при их объединении, больше, чем простая сумма смыслов входящих в эту совокупность знаков. Созданием прибавочной значимости или приращением смысла характеризуются незнаковые способы организации знаков, например текст, стиль писателя, художественный образ — в противоположность знаковым способам, таким, как соединение морфем при словообразовании, системная упорядоченность знаков (система знаков) и др.

Приращение смысла. Для описания смысла одного отдельно взятого слова необходимо несколько слов, для описания смысла десяти случайно выбранных слов используется больше десяти слов. Однако с увеличением исходного набора разница между числом объясняемых слов (n) и числом слов, используемых в объяснении (N), будет уменьшаться. Можно предположить, что при каком-то, пусть очень большом, n наступит, так сказать, насыщение словаря, при котором слов n на входе и выходе будет поровну, т. е. $n = N$, а затем, возможно даже $n > N$. На деле этого не происходит: n только стремится к величине N , но никогда ее не достигает. Меньшее количество слов можно описать с помощью большего, но не наоборот. Словник оказывается подобным зеноновскому Ахиллу, который не может догнать черепаху. В объяснительную часть любого словаря всегда входят такие единицы, которые в рамках самого словаря не объясняются.

Этот парадокс семантики, заключающийся, образно говоря, в том, что шар большего объема, т. е. план содержания, вкладывается в шар меньшего объема — план выражения, порождается, очевидно, фундаментальным противоречием в характере самого словаря. Его словник представляет собой конечный и закрытый класс, лексика же, которую он репрезентирует, конечна, но открыта. Открытый характер лексики, ее непосредственная связь с бесконечностью реальности и является первопричиной того, что в словаре порождается добавочный смысл, который находит отражение в появлении на выходе слов, не включенных в исходный набор.

Проиллюстрируем приращение смысла несколькими примерами.

1. С л о в а р и т е р м и н о л о г и ч е с к и е и с п е ц и а л ь н ы е. На словарях этого типа проще всего показать справедливость закона: для толкования терминов некоторой области науки неизбежно используются слова общенародного языка, термины других наук, которые не объясняются в рамках данного словаря.

Радиотехнический словарь¹⁰: его словник не включает слов: *идея*, *среда*, *называть*, *специфический*, *возникать* и др., употребляемых, например, в статье «Однородные системы».

Политехнический словарь¹¹: «*Круглогубцы* — щипцы с круглыми губками (фиг.) для изгибания проволоки и пр.» Ни одно из слов этой статьи не входит в словник самостоятельно, только *круглый* встречается в словнике в сочетании *круглая пила*.

Логический словарь¹²: «*Событие* — то, что произошло или происходит в настоящее время». Ни одно из объясняющих слов не входит в словник.

Энциклопедический словарь¹³: «*Пупок*, рубец (обычно втянутый), образованный на месте отпавшего остатка пуповины». На входе в словарь имеются лишь два слова этой статьи — *рубец* и *пуповина*.

Примеры подобного рода легко умножить, привлекая философские, медицинские, диалектные и другие словари. Но даже «Большая советская

¹⁰ «Словарь радиолюбителя», 4-е изд., Л., 1972, стр. 315.

¹¹ «Краткий политехнический словарь», М., 1956, стр. 472.

¹² Н. И. К о н д а к о в, Логический словарь, М., 1971, стр. 485.

¹³ «Энциклопедический словарь», 2, М., 1964, стр. 272.

энциклопедия» подтвердит справедливость этого наблюдения, поскольку не включает в словник большое число глаголов общего, нетерминологического значения, наречия, вспомогательные части и частицы речи и пр.

2. С л о в а р и т о л к о в ы е. При объяснении значений слов в словаре С. И. Ожегова употребляются три рода слов, не фигурирующих в словнике: а) географические и историко-географические названия: *Русь* (в словарных статьях *вотчина*, *дьяк* и др.), *Европа* (см. *восток*, *европейцы* и др.), *Греция*, *Рим* (см. например, *стоицизм*), *Иудея* (см. *фарисей*) и т. д.; б) собственные имена: одно из значений слова *фаланга* — большая община, коммуна (в утопическом учении Ш. Фурье) и т. д.; в) слова, получаемые на основе разных способов словопроизводства. Это, во-первых, относительно простые слова, предполагающие рядоположение элементов: *иммунитет* определяется через *невосприимчивость*, последнее отсутствует в словнике, хотя есть отдельно *восприимчивость* и *не...*; *шатен* — человек с *темнорусыми* волосами. Подчеркнутого слова нет на входе. *Невежда* определяется как *малообразованный*, *малосведущий* человек. Этих слов нет в словнике. Во-вторых, это слова более сложных способов образования с перестройкой одного их составляющих элементов: *грязный* (о цвете) определяется как *серовато-мутный*; ни этого слова, ни слова *сероватый* нет среди объясняемых. *Тора* определяется через *пятникнижие*, которого нет на входе. В этом случае для уяснения смысла слов, используемых на выходе, необходимо проделать некоторое элементарное исследование структуры слова, опирающееся на известный опыт в пользовании языком: *серовато-м-ый*. Это не составит трудности для носителя языка, но на первых этапах овладения иностранным языком это бывает нелегко.

Может создаться впечатление, что приращение смысла, проявляющееся в появлении на выходе словаря новых, необъясняемых слов, обусловлено спецификой терминологических, энциклопедических, вообще денотативного типа словарей или неполнотой рассмотренного толкового словаря, что при достаточном росте объема словника в толковом словаре появление новых слов на выходе прекратится. Однако и в словарях Ушакова, Даля, семнадцатитомном академическом наблюдается то же самое. Это нельзя объяснить несовершенством того или иного словаря или упущениями и субъективизмом авторов. Приращение смысла — обязательный, универсальный принцип всякого толкового словаря. Вот несколько примеров такого рода из семнадцатитомного словаря: *служилый* определяется с использованием понятий *Московская Русь*, *дореволюционная Россия*, отсутствующих на входе; *сарматы* — группа ираноязычных племен, населявших с VI в. до н. э. Поволжско-Приуральские степи и сменивших в IV—II в. до н. э. скифов в Причерноморье». Помимо того, что на входе, естественно, отсутствуют использованные в определении географические названия, нет среди объясняемых также и слова *ираноязычный*. Такие примеры нетрудно умножить.

Ту же закономерность можно наблюдать и за пределами русской лексикографии. В семитомном толковом словаре венгерского языка¹⁴ встречаются те же три разновидности объясняющих слов, не включенных в словник. Так, *bolsevik* объясняется с помощью слов *Szovjetunió* и *Lenin*, *albán* — с помощью *Balkán-félsziget* и *Albánia* и т. п. Отличительной особенностью этого словаря является исключительная полнота словообразовательных вариантов. Обычно на вход подаются все производные слова правой части, даже если их семантика прозрачна. Так, в статье *pórlázadás* (крестьянское восстание) для толкования употребляются синонимы *parasztfelkelés*, *parasztlázadás*, образованные простым соположением элементов и совер-

¹⁴ «A magyar nyelv értelmező szótára», I—VII, Budapest, 1966.

шенно ясные по смыслу, и все-таки оба они включены в словник. В крайнем случае дериват приводится без объяснения в словообразовательном гнезде, помещенном в конце статьи, как, например, *rezervistaság* в статье *rezervista*. Более того, в словообразовательное гнездо зачастую включаются и словоизменительные формы, которые могут употребляться в качестве самостоятельных членов предложения, в частности причастия (см., например, в статье *formáz* — формировать — причастия *formázott* — сформированный; *formáztat* — сформировавший). И тем не менее на выходе из этого словаря в словообразовательной сфере можно отметить появление новых, необъясняемых слов. *Porló* в одном из значений — *porló szén* (порошкообразный уголь, угольная пыль) объясняется так: *porrá tört fászen, mellyel formázáskor a formák felületét berogozzák* (рассыпающийся в пыль древесный уголь, которым обсыпают поверхность форм при формовке). Глагола *berogozni* нет на входе, хотя вообще приставочные глагольные образования представлены здесь очень широко, ср.: *ki-közös-ít, meg-nyilat-koz-ás, át-kereszt-el, be-száll-ás* и т. д.

Обобщая эти наблюдения, можно сказать, что приращение смысла в объяснительном словаре идет по двум линиям. Оно происходит, во-первых, по линии предметной, которая предполагает обращение для толкования слов к реалиям, не объясняемым в рамках данного словаря, т. е. предполагает некоторую сумму знаний о предметах и явлениях, не нашедших отражения в словаре. Если с точки зрения выхода это явление расценивается как приращение смысла, то с точки зрения входа можно говорить о предметной недостаточности словника. Предметная недостаточность — принципиальное свойство словаря, не результат его несовершенства, а неустранимая трудность, которая обусловлена семантическим законом приращения смысла, свойственным словарю как особому способу организации знаков. В практике языковой работы эта трудность преодолевается разными путями: в преподавании иностранных языков преодолеть ее помогает специальный аспект преподавания — страноведение, в переводческой практике существуют различные приемы перевода так называемой «безэквивалентной лексики»¹⁵. Понятие предметной недостаточности не совпадает по своему объему с понятием безэквивалентной лексики, но сферы этих понятий пересекаются. В конечном счете одним из содержательных компонентов всякого слова, относящегося к безэквивалентной лексике, обязательно оказывается либо географическое и историко-географическое название, либо имя собственное, т. е. одно из слов, как раз и образующих область предметной недостаточности. Понятно поэтому, что предметная недостаточность в словарях обнаруживается при толковании безэквивалентной лексики, т. е. оказывается связанной с объяснением элементов иной (в синхроническом или диахроническом плане) культуры: *сермяжник* (слово из области безэквивалентной лексики) объясняется со ссылкой на понятие дореволюционная Россия (слово Россия входит в область предметной недостаточности); *рокфор* — со ссылкой на местечко «Roqefort в южной Франции»; *росинант* проп. и шутил. Изнуренная, исхудавшая лошадь, кляча... — По имени коня Дон-Кихота в романе Сервантеса (исп. *Rocinante*)¹⁶ и т. д. Значит, чтобы до конца постичь смысл каждого из этих слов, помимо сведений, касающихся обозначаемых реалий, и до этих сведений, надо обладать хотя бы самыми общими представлениями о России, Франции, Сервантесе и его Дон-Кихоте и т. п. Эти знания, которые предполагаются заранее известными для пользователей

¹⁵ В книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура», М., 1973, посвященной основам страноведения, приводится классификация безэквивалентной лексики, появляющейся в словаре С. И. Ожегова (стр. 218—231).

¹⁶ Примеры из семнадцатитомного академического словаря.

языком и которые обязаны своим появлением в словаре его особой природой и структуре, и образуют часть неизбежно порождаемого словарем добавочного смысла.

Другая часть добавочного смысла, вторая линия, по которой идет приращение смысла в словаре, связана с недостаточностью грамматической. Она проявляется в необходимости использования некоторых внутренних (внутрисистемных) правил соединения морфем и их значений для получения ряда лексических единиц, отсутствующих на входе.

Аксиоматика и пассив в словаре. Итак, в правой части словаря констатируется наличие аксиоматически заданных параметров, некоторый комплекс само собой разумеющихся значений, определенная сумма исконных, предсуществующих знаний. Этот комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний назовем аксиоматикой. Аксиоматика бывает двух родов: с предметной недостаточностью словаря связана семантическая аксиоматика, с грамматической недостаточностью — грамматическая аксиоматика.

С другой стороны, в большинстве словарей исходный набор слов не полностью включается в толковую часть, не все единицы словника участвуют в статьях-определениях. Тем самым внешняя асимметрия входа и выхода усиливается. Назовем слова, не фигурирующие в объяснении, пассивной частью словаря, пассивом. Существуют словари с преобладанием пассива в словнике (переводные, иностранных слов и т. п.) и словари с минимальным объемом пассивной части. Более того, наличие пассива во всяком словаре, как представляется, не обязательно, т. е. может существовать словарь, словник которого полностью используется на выходе. Если пассива может и не быть, то аксиоматика присутствует в словаре всегда. Аксиоматика образует ту базу, на которой создается семантическое равновесие, пассив это равновесие стремится разрушить, одновременно усиливая и чисто внешнюю асимметрию двух сторон словаря. Пассивная часть толкового словаря имеет безграничные возможности для роста, включая постоянно по мере обновления такие, например, слова ¹⁷, как специальные (*гербициды*), архаизмы (*вотчина*), неологизмы (*голевой*), просторечные (*пацан*), термины различных наук. Этот процесс идет непрерывно. По подсчетам французских лингвистов, словарный состав Лярусса за 12 лет обновился более чем на 10%: при общем числе 36 000 слов с 1948 по 1960 г. в словник вошло 3973 новых и выпало 5105 слов ¹⁸. Увеличение пассивной части, возможно, влияет некоторым образом на состав и величину аксиоматики, увеличивая и ее. Возможно также, что для толковых словарей существует некоторое оптимальное соотношение того и другого, однако эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Увеличение разрыва между входом и выходом, выражающееся в излишнем росте пассива или чрезмерном увеличении аксиоматики, может стать нежелательным, особенно для словарей определенных типов. Чрезмерное увеличение аксиоматики нарушает филологическую природу толкового словаря, выводит его из чисто лингвистической сферы объяснения значений в географическую, историческую, культурологическую. С другой стороны, и рост пассива расценивается как отрицательный фактор,

¹⁷ Примеры (за исключением *вотчина*) приведены на основании сравнения 4 и 9-го изданий словаря С. И. Ожегова, переработка которого шла в основном по пути увеличения пассивной части за счет включения целого ряда новых слов указанного типа. Некоторые слова пассива в новом издании, наоборот, исключены из словника (*тора* и т. п.). См.: С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1972.

¹⁸ J. Dubois, L. Guilbert, H. Mitterand, J. Pignon, Le mouvement général du vocabulaire français de 1949 à 1960 d'après un dictionnaire d'usage, «Le français moderne», XXVIII, 1960, стр. 86—106; 196—210.

например, в словарях учебного типа, предназначенных для иноязычного пользователя.

В существующих словарях практикуются разные способы сокращения указанного разрыва. Они связаны, во-первых, с уменьшением объема аксиоматики, а во-вторых, с сокращением пассивной части в словаре.

Первая задача решается, например, с помощью дополнения толкового словаря комментированным списком географических и собственных имен. В этом случае для объяснения одних имен и названий должны привлекаться другие и аксиоматика неизбежно растёт, как снежный ком. Иногда имена, составляющие область предметной недостаточности, непосредственно включают в словник. Так сделано, например, в разных вариантах Оксфордского словаря. Словник одноклассового («Concise»¹⁹) содержит такие слова, как *Irak*, *Merovingian*, *Marian* и под. Однако предметная недостаточность остается принципиально неустранимой: «*Irak* — Arab kingdom including Mesopotamia». Последнее название не комментируется. Имя *Marian* возводится к деве Марии или королеве Марии Тюдор, которые тоже не внесены в словник, и т. д. В других случаях, сокращая объем семантической аксиоматики, прибегают к приему объяснения в объяснении. Так, в том же словаре *Mohammedan* объясняется со ссылкой на собственное имя *Mohammed*, которое в словнике не фигурирует, но смысл которого дается здесь же: *Mohammedan*, n. and a. (Follower) of Mohammed, founder of the Moslem religion.

Что касается сокращения грамматической аксиоматики, или компенсации грамматической недостаточности, то она частично достигается включением на вход аффиксальных морфем. Например, в том же словаре при объяснении *development* употребляется слово *unfolding*, отсутствующее в словнике, в который, однако, включены составляющие его морфемы *un-*, *fold-*, *-ing*. Этот путь приводит лишь к частичной компенсации грамматической недостаточности, поскольку ни один словарь не может включать правил соединения морфем и их значений, эти правила остаются заданными аксиоматически.

К сокращению пассива в словаре прибегают обычно в методических целях. Примером словаря с искусственно отсеченной пассивной частью может служить словарь Г. Гугенема²⁰. Он показателен также и в том отношении, что его структура с наглядностью свидетельствует о принципиальной неустранимости аксиоматики. Когда французские лингвисты поставили задачу создания компактного описания лексики французского языка на базе наиболее употребительных французских слов и без обращения к заимствованиям²¹, они столкнулись с невозможностью описать основные элементы исконной лексики с использованием только самих этих элементов, подлежащих описанию. Г. Гугенем в своем словаре обошел эту трудность, поместив в тексте рисунки в тех случаях, когда для словесного объяснения пришлось бы выйти за пределы исходного набора и ввести на выходе новые, не объясненные слова. В рисунках и представлена семантическая аксиоматика.

Полностью исключается пассив также и в «Толково-комбинаторном словаре русского языка»²², предназначенном в основном для изучающих

¹⁹ «The concise Oxford dictionary of current English», 5 ed., Oxford, 1969.

²⁰ G. Gougenheim, Dictionnaire fondamental de la langue française, Paris—Warszawa, 1963 [фототип. изд.].

²¹ G. Gougenheim, R. Michéa, P. Rivenс, A. Sauvageot, L'élaboration du français élémentaire, Paris, 1956.

²² «Экспериментальный толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Проект» (рукопись, 1971). См. также отдельные выпуски в серии «Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка», М., 1970—1973.

русский язык иностранцев. Авторы проекта этого словаря, сосредоточив внимание на типичных употреблениях слов в живой речи, не преследовали специальной цели обойтись в объяснительной части заданным объемом сведений и ограниченным кругом лексики. Поэтому при построении словарной статьи здесь прибегают и к рисункам (см., например, *лыжи*), и к введению новых слов, не фигурирующих в словнике, значительно расширяя тем самым семантическую аксиоматику. Зато в этом опыте сделана интересная попытка уменьшить объем грамматической аксиоматики. Это достигается путем использования комплекса условных грамматических обозначений, специального метаязыка для правил комбинирования элементов словника. Единицы метаязыка, естественно, не входят в словник, а представляют собой самостоятельное надстроечное образование, как бы словарь к словарю.

Итак, две стороны словаря находятся в семантическом равновесии; они взаимосвязаны, так как содержат общие элементы. Семантическое равновесие достигается за счет снятия в словаре как особом способе организации лексических знаков асимметрии, свойственной единичному знаку, и переноса ее в план выражения словаря в целом. Асимметрия словаря есть результат инверсирования двух сторон знака, а в широком смысле — следствие семиотического «закона обращения планов». Далее, словарь характеризуется приращением смысла. Добавочный смысл возникает вследствие того, что в основе всякого словаря лежит аксиоматически заданная лингвистическая (свойство грамматической недостаточности словаря) и экстралингвистическая (свойство предметной недостаточности словаря) информация. Для типологической характеристики словарей перспективным представляется также изучение соотношения пассива и аксиоматики — как в количественном, так и в содержательном плане.